

ДЖОН ПЕРРИ

Завоевания
в Центральной
и Южной

АМЕРИКЕ
XV—XIX веков

ПОД ВЛАСТЬЮ
ИСПАНСКОЙ КОРОНЫ

Джон Перри

**Завоевания в Центральной и
Южной Америке XV—XIX веков.
Под властью испанской короны**

«Центрполиграф»

УДК 94(460)
ББК 63.3(4Исп)4

Перри Д.

Завоевания в Центральной и Южной Америке XV—XIX веков.
Под властью испанской короны / Д. Перри — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5320-3

Испанская империя была первой во времена великих, рожденных морем империй Западной Европы, огромной и самой богатой, что сделало ее объектом зависти, страха и ненависти. Выдающийся британский историк Джон Перри представляет историю возникновения, расцвета и распада великой морской Испанской державы. Автор прослеживает влияние Испании на Центральную и Южную Америки, представляя широкую яркую картину процесса ее завоевания, экономических и социальных последствий для Испании, усилий, которые она предпринимала, чтобы сохранить контроль над этими обширными владениями. Перри исследует сложное управление империей, ее экономику, социальную структуру, роль Церкви, разрушение культур завоеванных территорий и влияние их упадка на испанскую политику. Классическое исследование Джона Перри создало основу для нового аспекта в изучении истории бывших испанских колоний Латинской Америки и преобразования доколумбовой культуры в колониальные государства.

УДК 94(460)
ББК 63.3(4Исп)4

ISBN 978-5-9524-5320-3

© Перри Д.
© Центрполиграф

Содержание

Вступление. Традиция завоевания	6
Часть первая. Создание Империи	14
Глава 1. Острова и материк в Мировом океане	14
Глава 2. Севилья и Карибское море	25
Глава 3. Царства Солнца	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Джон Перри
Завоевания в Центральной и
Южной Америке XV—XIX веков.
Под властью испанской короны

J. H. Parry
The Spanish Seaborne Empire

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2018

* * *

Вступление. Традиция завоевания

Испанское господство в Америке было продуктивным источником драматического материала для летописцев и сбивающих с толку парадоксов для историков. Испанская империя была первой во времена великих, рожденных морем, империй Западной Европы, самой богатой и самой огромной – объектом зависти, страха и ненависти. Она была создана с поразительной скоростью чуть более чем за два поколения благодаря ряду рискованных импровизаций, действиям отдельных малоизвестных авантюристов, которые исследовали огромные территории, переходили через громадные горные хребты и завоевывали густонаселенные и высокоорганизованные местные королевства. Несмотря на характер своего происхождения, империя просуществовала поразительно долго. Государство и общественное мнение в Испании отреагировали со скоростью и энергией, которые соответствовали скорости завоевания. Сам факт завоевания через два поколения людей привел к возникновению политики стремящегося произвести впечатление ответственного империализма, который оказал глубокое влияние на развитие как политической теории, так и административной практики. Управление империей после начального этапа завоевания, доступного для всех, стало централизованным, педантично добросовестным и по меркам того времени эффективным. Его целью было защитить интересы завоеванных народов чужой расы и религии, которые тем не менее считались прямыми подданными королевской власти, и обуздать конкистадоров, которые извлекали прибыль из своих достижений, сохранить для королевской власти источник богатства и военной силы, которую может купить богатство и которая в то время вселяла удивление и страх в европейцев. Цели империи оказались несовместимыми, и ни одна из них не была полностью достижима. Напряжение, связанное с необходимостью поддерживать систему в рабочем состоянии, сильно способствовало обнищанию и дальнейшему поражению Испании. Сама эффективность управления была отчасти причиной его окончательного краха. Все аристократии поселенцев, особенно если они зависят от труда подневольных народов, склонны возмущаться централизованной властью, и испано-американские креолы не были исключением. Управление осуществлялось обязательно испанцами с полуострова. Когда же империя переросла свою мощь, как это случается в конце концов со всеми империями, и сломалась под ударами войны и вторжения в центр¹, ее администрация, не имеющая местных корней, распалась, сделав все эти обширные территории жертвами экономической нестабильности и политических беспорядков. И не порабощенные индейцы, не завистливые европейцы, а потомки конкистадоров воспользовались случаем и из осколков империи создали целый ряд государств со своими революционными теориями и либеральными конституциями, но аристократических по своей общественной структуре, консервативных по характеру, католических по религии, испанских с точки зрения государственного языка, культуры и традиций. Завоевание и предшествовало созданию империи, и пережило ее; и взаимодействие между завоеванием и империей и есть тема этой книги.

История завоевания и империи в Вест-Индии понятна только на фоне предыдущей истории завоевания и установления монархии в Испании. Армии арабов и берберов, которые с начала VIII века вторглись в вестготскую Испанию из Африки, были сравнительно малочисленны, но их завоевание было основательным, а влияние – долговременным. Они так и не подчинили себе весь полуостров. Их власть на засушливой горной Кастилии никогда не была крепкой, так как это плато их мало привлекало, а на север Кантабрийских гор они вообще практически не проникли². Толедо был самым северным из основных мусульманских горо-

¹ Вторжение наполеоновских войск в Испанию с 1807 по 1813 г. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

² После поражения при Ковадонге в 718 г. возник очаг сопротивления в Кантабрийских горах – ядро будущего королевства Леон; в 840-х гг. такие центры возникли в горных районах Наварры. Так начиналась, долго и тяжело, Реконкиста 718–1492 гг.

дов. Однако южная половина полуострова с VIII по XIII век была преимущественно мусульманской. Под властью мусульманских правителей христианская, мусульманская и еврейская общины жили бок о бок, хотя зачастую они и не испытывали друг к другу большого уважения и симпатии. Многие урожденные испанцы приняли ислам, и такое обращение в другую веру привело к смешанным бракам и смешению крови. Вскоре развилась богатая, разнообразная и сложная цивилизация, состоявшая из римских, арабских и испанских элементов, среди которых преобладали арабские. Берберо-арабское влияние особенно заметно проявлялось в огромном и разнообразном словаре испанского языка, обычаях вроде изоляции женщин, в архитектуре и планировке городов, торговле и широком круге практических приспособлений – ирригации и водоподъемных механизмах, дизайне и оснастке кораблей, шорно-седельных изделиях и лошадиной сбруе. Многие мусульманские города Испании веками были известны всей Европе и на Ближнем Востоке своими товарами: Толедо – оружием и доспехами, Кордова – изделиями из кожи, Гранада и Альмерия – шелками, Малага и Валенсия – керамикой. В менее материальном отношении Южная Испания – Аль-Андалус – многому могла научить грубую и неразвитую Европу, культура которой зависела от полузабытого наследия римлян. Греческие наука и знания пробили себе дорогу в средневековой Европе – та их часть, которая вообще была известна, – в основном благодаря арабским переводам. Даже замысловатые условности средневекового рыцарства были в какой-то степени скопированы с арабских обычаев. Когда мелкие царьки с севера Испании, провозгласившие себя наследниками вестготских королей, стали продвигаться через Кантабрийские горы на юг, они напали на цивилизацию, которая им не нравилась из-за ее неверной религии и ее чужеродного присутствия на испанской земле, но которой они восхищались и завидовали ее познаниям, утонченности и богатству.

На протяжении значительных периодов времени в Средние века Аль-Андалус имела единую политическую организацию и обладала военной силой, соразмерной своему экономическому и культурному превосходству. Кордовский халифат, созданный в начале X века Абд ар-Рахманом III, бросал вызов сравнению с великими империями Ближнего Востока. Это была не только правящая власть, в том числе политическая и духовная, над всей мусульманской (и большей частью христианской) Испанией, но и защищающая власть большей части Магриба. Халиф в силу своего титула был полусвященной фигурой, окруженной замысловатыми церемониями и недосыгаемой, за исключением узкого круга чиновников и приближенных. В отличие от европейских правителей он защищал свои территории не с помощью феодальных рекрутов или наемников, взятых на время на службу, а с помощью профессиональной регулярной армии, состоявшей из воинов-берберов из Северной Африки³. Он требовал от своих подданных почитания и повиновения. Это повиновение помогает объяснить поразительное богатство и успешность андалусской экономики. Это была экономика, основанная на орошении, которая производила в изобилии не только традиционные пищевые культуры – пшеницу, оливки, виноград, но и субтропические – цитрусовые, шафран, шелковицу. В обществе, где не хватало мощных механических приспособлений, крупномасштабная ирригация – фактически любая крупномасштабная система общественных работ – зависит от способности правителей руководить и организовать большое количество рабочих рук более или менее добровольно. Это требует наличия многочисленного и чрезвычайно покорного крестьянского населения, которое имелось в Аль-Андалусе. В этом были ее слабость и сила. Покорные крестьяне – источник мощи и богатства у сильного правителя, который может организовать их способность к труду и уплате налогов, установить порядок среди своих вассалов и загнать захватчиков в угол. Но при слабом или недостаточно последовательном правлении это крестьянство, не оказывая существенного стихийного сопротивления, будет пассивно подчиняться захватчику извне или восставшему местному магнату. В таком обществе дорога, пройденная правящей династией от

³ А также гвардии в основном из славян-рабов, которые захватывались на территории Восточной Европы.

неизвестности к всемогуществу, а от него к поражению и краху, часто бывает короткой. Механизм производства и управления постоянен и находится под рукой только у такого правителя, который может захватить власть.

Халифат Омейядской династии просуществовал чуть более ста лет. Его последний великий правитель аль-Мансур (Победоносный) сам не был членом династии, но по крайней мере номинально был ее высокопоставленным чиновником. После его смерти начался распад халифата: местные губернаторы объявили себя независимыми правителями, и Аль-Андалус распалась на 20 или 30 государств-наследников, или *taifas*. Князья в этих *taifas* были разного происхождения – арабы, берберы или принявшие ислам испанцы – и постоянно воевали друг с другом. Со временем более сильные *taifas*, такие как арабское княжество Севилья и берберское государство Гранада, начали поглощать своих более слабых соседей. Мусульманская культура Андалусии продолжала процветать в этих независимых городах-государствах, несмотря на политическую неопределенность, и более сильные *taifas* сохранили характерные черты халифата: отлаженную городскую жизнь, высокоразвитые ремесла, продуктивное сельское хозяйство, основанное на орошении и принудительном труде, и высокоорганизованную аристократию. Однако ни один правитель *taifas* не обладал такой военной силой, как Абд ар-Рахман или аль-Мансур. *Taifas* были неодолимым искушением для захватчиков, будь они с христианского Севера или из Марокко. Их правители, как и христианские короли на Севере, стремились заключать союзы, когда это было возможно, которые часто выходили за рамки религиозных границ. Некоторые из них, чтобы обеспечить себе поддержку или защиту от набегов, платили союзникам-христианам суммы денег, которые согласно широко распространенному балансу сил можно было рассматривать либо как дань, либо как денежные ассигнования наемникам. Но когда требования этих агрессивных и алчных союзников становились слишком обременительными, князья *taifas* иногда приглашали вместо них воинственных вождей из Северной Африки. Так, аль-Мутамид в Севилье отверг требования Альфонсо VI, заявив, что он «скорее будет ухаживать за верблюдами альморавидов, чем пасти свиней в Кастилии». Полководцы берберов были такими же чужаками для испанских правителей *taifas* во всех отношениях, кроме религии, какими были для них и христианские короли, но они были грозными воинами. Халифат Аль-Андалус дважды восстанавливался такими захватчиками из Африки, объявлявшими священную войну, династиями и государствами Альморавидов в конце XI – начале XII века (1050–1146) и Альмохадов в XII веке (1121–1169). Каждая династия успешно изгоняла из Аль-Андалуса вторгшихся христианских правителей и вела против них боевые действия, пока те не убегали к себе на Север. Однако оба берберских государства просуществовали относительно недолгое время. Каждый раз после их развала к ним на смену приходили новые *taifas* и новые союзы. Именно в такой обстановке между началом XIII века и концом XV северные королевства завершили завоевание Испании силой христианского оружия⁴.

Среди христианских королевств Северной Испании самое упорное сопротивление Альморавидам, а позднее самую агрессивную экспансию повело не древнее королевство Леон, а недавно появившееся королевство Кастилия, правителям которого в X веке сначала удалось создать отдельное наследное государство, а при Фердинанде III в XIII веке – включить Леон в свои владения как второстепенное королевство в объединенном королевстве. Кастилия во всех аспектах своей жизни демонстрировала резкий контраст с развитыми государствами мусульманского юга. С самого своего появления это было пограничное королевство, жители которого, движимые воинственностью, нехваткой земли и религиозным пылом, стремились к экспансии и завоеваниям для удовлетворения своих амбиций. Его неплодородная земля и засушли-

⁴ Решающий перелом произошел в результате грандиозной битвы при Лас-Навас-де-Толоса в 1212 г., в которой объединенные войска Кастилии, Леона, Арагона и Наварры во главе с кастильским королем Альфонсо VIII, а также подошедшие на помощь крестоносцы из Франции и др., всего 10 тыс. конных рыцарей и 100 тыс. пехотинцев, разгромили вдвое большее мусульманское войско халифа Мухаммада ан-Назира.

вый климат, обширные и однообразные ландшафты с повторяющимися вкраплениями обнаженных рыжевато-коричневых горных пород – все это побуждало людей к движению, вселяло неудовлетворенность оседлой трудовой жизнью на полях. За исключением Старой Кастилии – региона давних крестьянских поселений вокруг Бургоса – хозяйство на плато было преимущественно пастушеским; это была единственная преимущественно пастушеская экономика в Западной Европе. Она основывалась на выпасе огромных стад овец, свиней и полудикого крупного рогатого скота. Такая экономика хорошо согласовывалась с политикой передвигания границ и бесконечных сражений. Выпас большого количества скота в полужасушливых условиях обязательно означал перегон скота с зимних пастбищ на летние, что было сопряжено с покрытием больших расстояний по открытой местности. Стада паслись в южной части плоскогорья и в Эстремадуре зимой и перебирались на летние пастбища в северных горах. Их миграционный цикл совпадал с чередованием мира зимой и войны летом. Хозяин стад прекрасно вписывался в такую беспокойную картину. Крестьянин же, наоборот, был привязан к своей земле и был экономически уязвим и презираем в обществе.

Подобно экономике, общественное устройство Кастилии отличалось от общественного устройства на остальной территории Западной Европы. На всей территории Кастилии на каждом подходящем утесе высился замок – либо цитадель могущественного человека, либо небольшой укрепленный монастырь какого-нибудь военного церковного ордена – все они были главным образом крепостями. В большинстве своем они не были административными центрами местных феодальных поместий, так как их богатства были в постоянном движении. Феодальные связи были слабыми и основывались больше на личной верности, чем на территориальной зависимости или юрисдикции. Дворянин изначально не был человеком, который владел землей, доставшейся ему по наследству. Он был человеком, который имел в собственности коня и был готов отправиться на нем сражаться, чтобы поддержать своего феодала. Его конь не меньше, чем его меч, отличал дворянина от крестьянина, связанного с землей: это был символ его мобильности, гордости и независимости как военного человека. Отсюда и любовь к лошадям и чувство товарищества с ними, характерные для класса воинов, мелкой знати Кастилии. Великий народный герой средневекового кастильского эпоса Сид⁵ принадлежал к этому классу, классу *infanzonía*. Его родовое имение было небольшим, а его личный авторитет – огромным. Его конь Бабьека был почти таким же знаменитым, как и сам герой. Такой человек признавал долг верности и повиновения своему королю или сюзерену, но он ожидал от короля, что тот будет уважать его личное достоинство и советоваться с ним при принятии важных решений. Дисциплинированная сдержанность, удачно сочетающаяся с воинской храбростью и придающая благородство характеру Сиды, не имела ничего общего со страхом или надеждой на покровительство.

Королевство Кастилия было крепким, жизнерадостным и хищническим. Ее рыцари считали богатые княжества Юга своей законной добычей. Сдача Толедо королю Альфонсо VI в 1085 году была великим поворотным пунктом в истории экспансии Кастилии. В следующем веке кастильцы уже уверенно обсуждали на переговорах с другими христианскими государствами вопрос об установлении границ их будущих завоеваний не только на полуострове, но и в Северной Африке. Волна войн вздымалась и опадала несколько раз после падения Толедо, но Кастилия со своими крепостями и конницей успешно отражала нападения Альморавидов и Альмохадов и в XIII веке вступила в войну, которая расширила ее территорию до южного побережья Испании. Мурсия была взята в 1243 году, а король Арагона, сам уже завладевший Валенсией, признал право Кастилии на это новое приобретение. Ибн аль-Ахмар, правитель Гранады, купил ограниченную независимость, предложив платить дань и оказывать содействие

⁵ Идальго Родриго Диас де Вивар (около 1043–1099), нанес решительное поражение Альморавидам, в 1094 г. взял Валенсию, которую позже, правда, мавры вернули (окончательно взята христианами в 1238 г.).

в борьбе против Севильи. Благодаря этому Гранада выстояла еще 200 лет как единственный мусульманский *taifa*, связанный с Северной Африкой узеньким плацдармом на Гибралтаре и в Альхесирасе⁶. Севилья сдалась Фердинанду III Святому (р. 1199, умер в 1252, король Кастилии с 1217 и король Леона с 1230 г.) в 1248 году. Трудно преувеличить важность этого события. Самая богатая, плодородная и цивилизованная территория во всей Испании, самый крупный и трудолюбивый город, процветающий порт, который впоследствии станет воротами атлантической торговли и открытий, вошли в состав Кастилии – самого воинственного, могущественного, а с точки зрения экономики и общественного устройства самого отсталого королевства в Испании. Целый арсенал нового оружия был вложен в руки преемников Сида.

После завоевания Андалусии судьбы иберийских королевств разошлись. Наварра, долгое время не делавшая заметных успехов в развитии, уже повернулась к Франции. В составе королевства Арагон Каталония начала создавать свои торговые колонии вслед за теми, которые основывала Генуя по всему Средиземноморью, а королевская власть в Арагоне занялась присоединением к своим владениям средиземноморских островов и завоеванием Южной Италии⁷. Леон, передав свои имперские притязания Кастилии, стал терять свою политическую индивидуальность. Португалия оставалась связанной с Кастилией, но только до тех пор, пока Гибралтар и Тарифа (на мысе Марроки) не оказались в руках христиан; как только появился не связанный с риском транзит между океаном и внутренним морем, слияние средиземноморского и атлантического мореходства в Лиссабоне открыло португальцам новые перспективы океанической торговли и открытий. Гранада, находившаяся между двумя жерновами – Кастилией и Марокко, сохраняла зыбкую независимость путем интриг и заключения союзов. Сама Кастилия со своей примитивной общественной и экономической системой и традицией военных походов придерживалась политики колонизации и завоевания.

Как только Андалусия была завоевана Кастилией, она была быстро и в значительной степени колонизирована. Более ста лет Севилья была излюбленным местом проживания кастильских королей, и, естественно, они стремились населить Андалусию верными себе подданными. Кастильские дворяне завладели большими феодальными поместьями на юге, включая огромные пастбища для скота в более засушливых гористых районах, а в долинах – плодородные орошаемые территории, возделываемые покорными крестьянами *mudéjar*. Вслед за армиями освободителей шли колонисты со всей Северной Испании, из Кастилии, Леона, Арагона и Страны Басков, привлеченные хорошими землями, благоприятным климатом, богатой и рафинированной жизнью южных городов и перспективой помыкать мусульманским населением, которое из-за завоевания было низведено до более низкого положения в обществе. Моряки с побережья Бискайского залива, Галисии и Португалии селились не только в Севилье, но и во многих небольших портах графства Ньебла, которые со временем стали вспомогательными портами Севильи и имели скромную долю от ее торгового процветания. Все эти поселенцы приносили с собой свои местные обычаи и речь, но в андалусийском плавильном котле они постепенно теряли свои региональные различия и стали испанцами, переняв язык Кастилии, который стал доминирующим в Испании. На протяжении более двухсот лет это неуклонное смещение на юг продолжалось, а вместе с ним – медленный, но верный сдвиг центра экономического притяжения. В Андалусии кастильцы создали свои собственные внутренние имперские отношения и сформировали традиции завоевания и поселения, которые они неизбежно рано или поздно будут стремиться переносить и за пределы Испании.

Гранада оставалась мусульманским анклавом, существование которого более или менее терпели. Король Кастилии Фердинанд III изначально терпимо относился к этому горному эми-

⁶ Основными портами Гранадского эмирата были Гибралтар, Малага и Альмерия (взятые испанцами соответственно в 1461, 1480 и 1480 гг.).

⁷ Арагон в 1282–1284 гг. захватил Сицилию, в 1326 г. Сардинию, в 1442 г. Неаполь.

рату как сопернику Севильи и Мурсии. После завоевания кастильцами всей остальной Андалусии Гранада осталась под защитой своей вассальной зависимости, и, хотя ее правители из династии Насридов иногда утаивали дань и бросали вызов своему сюзерену Кастилии, война за столько лет приобрела характер турнира. Независимое существование Гранады способствовало тренировке военного искусства кастильцев и поддержке их боевого духа крестоносцев и не представляло собой сколько-нибудь опасной угрозы Кастилии. Северная Африка была более явным объектом алчности кастильцев, но во второй половине XIII века новая энергичная династия Маринидов объединила Марокко, захватила южную оконечность Испании и представляла собой слишком грозную силу, чтобы можно было с легкостью нападать на нее. При случае Мариниды совершали набеги на Андалусию, что заставляло кастильцев быть благодарными за нейтралитет своего вассала – Гранады. К тому же в XIV-XV веках Кастилию неоднократно раздирали внутренняя борьба, выступления меньшинств, спорные регентства, ряд войн. Наступление на ислам не возобновлялось на протяжении более двухсот лет после захвата Севильи и имело успех не раньше, чем Изабелла вышла замуж за Фердинанда Арагонского и прочно уселась на кастильский трон после жестокой Войны за кастильское наследство с королем Португалии. Изабелла была истинной наследницей Фердинанда III Кастильского и возродила военную и религиозную политику, сторонником которой он был, но с важными отличиями.

К XV веку европейская цивилизация развилась до такой степени, что она больше не зависела от арабского мира, чтобы черпать в нем вдохновение и учиться у него, и в Испании мода с африканскими штрихами постепенно становилась пустой манерностью. При безалаберном королевском дворе Генриха IV Кастильского Бессильного (правил в 1454–1474 гг.) эта манерность дошла до крайности, а война с исламом велась недостаточно энергично (хотя в 1461 г. испанцы и взяли Гибралтар). Война за наследство и восхождение на престол Изабеллы все резко изменили. Королевой двигали не только ее собственные сильные религиозные убеждения, но и необходимость предотвратить опасность новой священной войны.

Турки Османской империи, взяв в 1453 году Константинополь, окончательно уничтожили Восточную Римскую (Византийскую) империю и вступили на путь завоевания и объединения мусульманских государств Восточного Средиземноморья. Они уже с XIV века завоевывали королевства на Балканском полуострове; в 1480 году Мехмед II вторгся в Италию, и вторжение остановилось только из-за смерти султана. Кастилия вряд ли могла себе позволить то, что в более поздней испанской истории стали называть «пятой колонной». Изабелла приняла решение поторопиться с подготовкой к походу против Гранады (правители которой, ободренные соседней Войной за кастильское наследство, снова не выплатили дань) и, если получится, в конечном счете перенести войну в Северную Африку, как португальцы уже сделали в Сеуте в 1415 году. Систематические боевые действия с целью завоевания Гренадского эмирата, деревня за деревней, началось в 1482 году. Испанцы начали этот последний европейский крестовый поход, испытывая сложные чувства по отношению к мусульманскому врагу. Здесь были и сильный религиозный подъем, и отвращение к иноверцам, смягченное (со стороны феодалных сеньоров) уступками экономической целесообразности, и жажда наживы не только в смысле надежды на грабеж, но и решимости эксплуатировать мавров как вассалов, и социальная неприязнь, смягченная давним близким общением, и экономическая зависть (так как мавры обычно были более успешными фермерами и ремесленниками и зачастую более энергичными торговцами, чем их испанские конкуренты), и, наконец, политические опасения – внушаемые не столько Гранадой, сколько мощной поддержкой, которую Гренадский эмират может получить от других мусульманских стран, если ее не привести под власть христиан. Что касается самого эмирата, изолированного и разделенного изнутри, исход войны никогда не подвергался серьезным сомнениям. Столица эмирата Гранада сдалась в 1492 году. Вся Испа-

ния впервые за много веков оказалась под властью христианских монархов. Территория Гранады была отдана под управление Кастилии.

Карта 1. Королевства Испании в конце XV века

Однако Изабелла по совету окружающих ее бескомпромиссных церковников не была слишком расположена позволять маврам в Гранаде мирно осесть там в качестве вассалов-мусульман христианских владык. Ее религиозное рвение должно было найти выражение не только в завоевании и обретении власти сюзерена, но и в обращении мусульман в христианскую веру. После захвата Гранады она повела политику решительной христианизации. Эта политика, если сводилась только к проповедям и убеждению, имела очень ограниченный успех, несмотря на преданность исполнительных францисканцев, которым это было поручено. Нетерпение королевы и ее советника Сиснероса вскоре привело к введению более жестких мер: систематическому преследованию и резкому ужесточению церковной дисциплины. Последовали изгнание евреев, насильственное крещение мавров в Гранаде, чрезвычайные полномочия, вверенные организованной в 1480 году инквизиции. А ведь в предыдущие века во многих регионах Испании бок о бок жили в отдельных, но соседних общинах три «библейских народа» (иудеи, христиане, мусульмане). Испанские правители, желая подчинить неверных, все же ценили уровень их цивилизационного развития, способности и знания. Архиепископ Раймунд Толедский в XII веке основал школы, в которых мусульманские, иудейские и христианские ученые работали сообща. И когда такое сотрудничество распространилось в центрах учености в Европе, то открыло новую эру в средневековой науке. Альфонсо X (р. 1221, правил 1252–1284) собирал при своем дворе ученых, исповедовавших три религии, так как желал тщательно проанализировать мудрость как Востока, так и Запада. Фердинанд III, король и святой, как гласит его эпитафия, был королем, который достаточно терпимо относился к нехристианским культам в мечетях и синагогах. Но времена изменились. Строгости, введенные Изабеллой, в целом одобрялись обществом, чего не случилось бы столетием раньше. И в Кастилии (но не в Арагоне) их энергично проводили в жизнь точно так же, как столетием раньше не стали

бы этого делать. Они являлись реакцией на возросшее мусульманское давление на христианский мир после падения в 1453 году Константинополя и были выражением усиления религиозного рвения и религиозной нетерпимости в Испании. Они также представляли собой намеренный отказ со стороны королевы от африканского элемента в испанской культуре и в равной степени намеренное утверждение испанского общества в остальной христианской Европе, а также косвенно – новое утверждение социального и расового превосходства. Это были чувства уверенных в себе людей, подходящие для империи. Гранада была для испанцев тем, чем был Константинополь, уже ослабленный, в последние годы своего существования, для турок: кульминацией одной череды завоеваний и началом следующей.

Завоевание не избавило Испанию от страха перед исламом. Не сделало этого и испанское вторжение в Северную Африку, которое началось с захвата Мелильи в 1492 году, опередившего нападение на город турок. В начале XVI века турки завоевали Сирию и Египет и распространили свою власть почти на все побережье Северной Африки. Огромная мощь Османской империи тогда могла быть призвана на защиту мусульманских правителей на побережье и, возможно, даже на помощь недовольным восставшим маврам в Испании. На тот момент эта мощь была слишком велика, чтобы бросать ей вызов только силами испанских королевств. Тем временем энтузиазм и амбиции, подогретые войной с Гранадой, не угасали, лишь частично удовлетворенные победой. Выход для этой сдерживаемой воинственной энергии был предложен лишь год спустя после падения Гранады в донесении Колумба об островах в Западной Атлантике и его настойчивом утверждении, что эти острова можно будет использовать как стартовую площадку на пути в Китай. Через поколение чувства, которые сплотили испанцев против Гранады, превратились в оголтелый методичный империализм, который в поисках новых объектов для завоевания увидел свой шанс за океаном. Пока португальцы в своем стремлении создать империю искали в Западной Африке, помимо других целей, «черный ход» для нападения на арабов и турок, испанские имперские амбиции благодаря своевременному открытию устремились в новый мир.

Часть первая. Создание Империи

Глава 1. Острова и материк в Мировом океане

Завоевание большей части Андалусии в XIII веке открыло для Кастилии новые окна в мир. К Бильбао и более мелким гаваням Галисии и Бискайского залива, через которые кастильскую шерсть, доставленную караванами мулов из Бургоса, отправляли во Фландрию, завоевание добавило порты Мурсии и Валенсии с их доступом к итальянским запасам зерна и, что важнее всего, огромную гавань Севильи с ее оживленными верфями и процветающей торговлей с Северной Африкой. Фердинанд III нанимал галисийские корабли для блокады Севильи во время своего последнего нападения на нее, а когда город оказался в его руках, он сделал все, что было в его власти, чтобы восстановить и поддержать ее верфи. Кастилия стала влиятельной морской державой, имевшей флот, но не морской изначально. Кастильские идалго не сразу полюбили море. Севильская гавань считалась военным объектом – морской базой в грядущей борьбе за контроль над Гибралтарским проливом и безопасное сообщение между атлантическим и средиземноморским побережьями Кастилии. Офицеры и солдаты, участвовавшие в этих морских операциях, были вначале в основном итальянскими наемниками, и на протяжении многих лет традиционная морская торговля Севильи также оставалась в руках или пизанцев, или генуэзцев. Однако постоянная миграция моряков из Страны Басков и Галисии в Севилью и ее вспомогательные порты в XIV–XV веках привела к появлению здесь новых профессий. В Западной Андалусии возникло испанское морское сообщество. Моряки-иммигранты из Севильи, Кадиса, а также Палоса и Уэльвы близ устья Рио-Тинто искали выход для своей предприимчивости в Северной Европе, Португалии, Африке и на островах Атлантики.

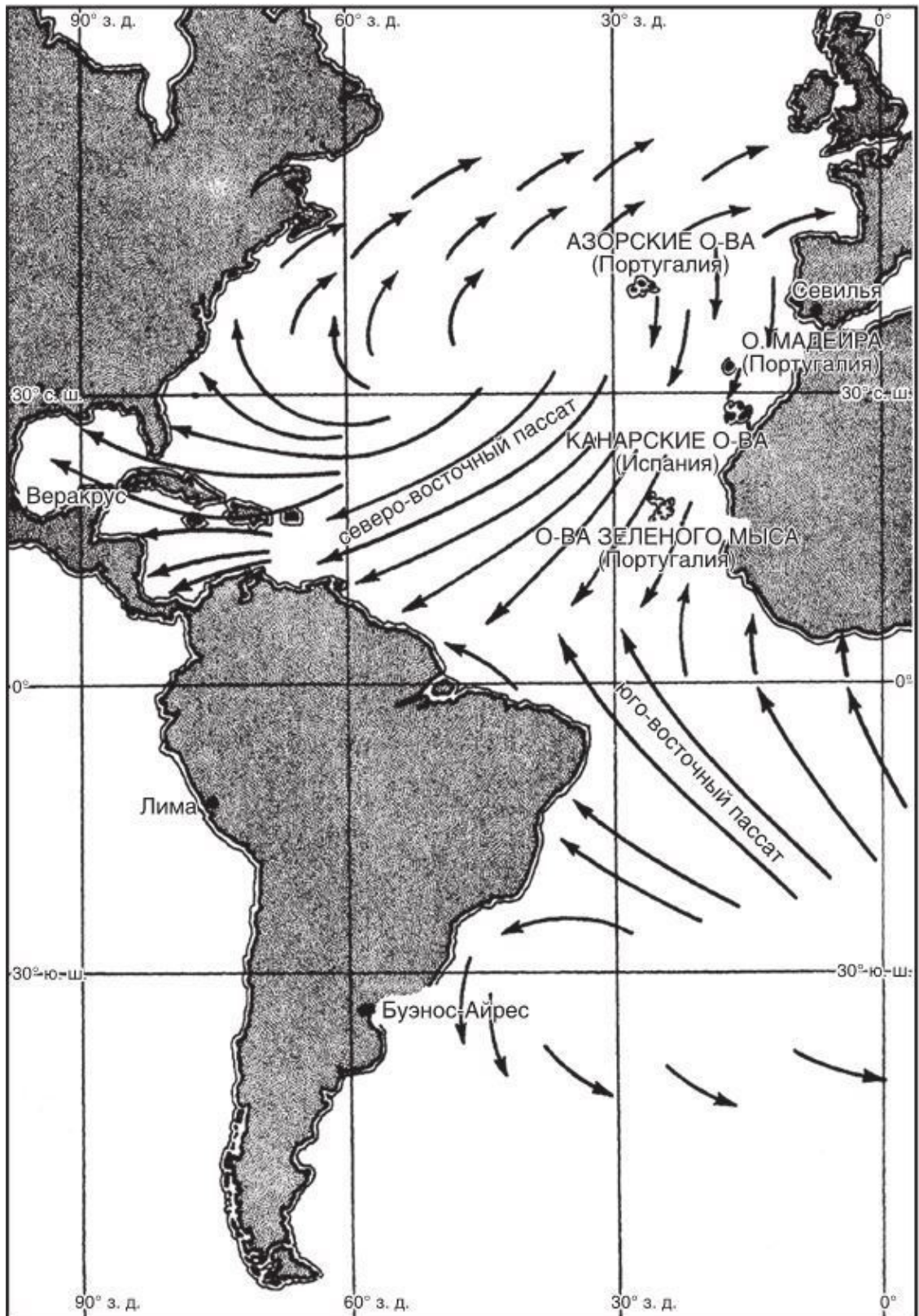
Во многих этих морских предприятиях португальцы уже указали путь. У Португалии были обширное океанское побережье, население, значительная часть которого занималась рыболовством и мореходством, и влиятельный класс торговцев, почти полностью освобожденный от феодального вмешательства. Португальские рыбаки были первыми европейцами, которые начали эксплуатировать места рыбного промысла Мавритании. Португальские грузоотправители очень хотели и могли выйти за пределы атлантической торговли вином, рыбой и солью и заняться более широко распространенным и доходным промыслом – работоторговлей, торговлей золотом и специями. В Западной Африке они нашли первые два из указанных товаров и даже заменители третьего – перец птичий и перец бенинский. На момент начала Войны за кастильское наследство они уже начали бурно развивающуюся торговлю с Гвинейским заливом. Порты Палос, Уэльва и другие в устье Рио-Пинто расположены очень близко к Португалии, и в те времена национальность моряков зачастую было трудно точно установить. Андалусийские моряки участвовали в португальских экспедициях, а андалусийские шкиперы следовали за португальскими вдоль побережья. Естественно, присутствие этих иностранных браконьеров вызывало негодование португальских монополистов, и это негодование подогревалось возможностью того, что острова, расположенные в близкой досягаемости от берега континента, могли быть использованы в качестве баз для контрабанды. Из четырех основных групп островов, находящихся в средних широтах Восточной Атлантики, на три – Мадейру, Азорские острова и острова Зеленого Мыса – португальцы заявили свои права и частично колонизировали их в течение XV века. Все три группы островов оказались ценными не только как порты для захода кораблей, но и как источники ходкой субтропической продукции. На четвертую группу островов – Канарских, – которая также была самой большой и располагалась ближе всех других островов к африканскому побережью, заявила свои права Кастилия как на дар папы римского в 1344 году. В отличие от других островных групп Канарские ост-

рова – или некоторые из них – были населены первобытными, но многочисленными и воинственными гуанчами⁸. Заселение европейцами этих островов оказалось длительным и тяжелым делом, закончившимся через много лет после открытия Америки и начала торговли с Вест-Индией. В начале XV века различные искатели приключений, главным образом норманны, создали поселения на островах Лансароте, Иерро и Фуэртевентура и выражали свое почтение королю Кастилии. Эти поселения добились процветания, производя сахар, вино и пшеницу; а андалусские торговцы нашли еще один способ получения прибыли – они собирали морские раковины на островах и отправляли на берега Гвинеи, где использовали их в качестве монет. Португальцы не только пытались прогнать или захватить этих контрабандистов на берегу, но и нейтрализовать кастильские базы на Канарских островах, создав конкурирующие поселения на незаселенных островах этого архипелага.

Жестокие беспорядочные морские сражения, которые последовали за этим, были поглощены в 1475 году Войной за кастильское наследство между Португалией и Кастилией. И хотя Португалия понесла поражение от сухопутных войск Изабеллы, она добилась значительных успехов на море. По Алкасовашскому договору 1479 года, который положил конец войне, – это был первый европейский договор о заморских владениях – испанцы обещали уважать португальскую монополию на торговлю в Западной Африке и поселения на Мадейре, островах Зеленого Мыса и Азорских островах, а португальцы оставили свои притязания на Канарские острова.

Испанцы обосновались на острове Гран-Канария во время войны, а после заключения мира продолжили завоевание острова. В 1490 году они начали заселять остров Пальма, а в 1493 году – остров Тенерифе. Скромные портовые города выросли на главных островах, каждый со своим небольшим флотом рыболовных и торговых каравелл. Когда были усмирены гуанчи, их вместе с занимаемой ими землей поделили, как мавританских крестьян в Андалусии, между феодалными владениями высокопоставленных поселенцев. На Канарских островах испанцы впервые стали учениками в искусстве создания колониальной империи и приобрели первый опыт обращения в христианство и эксплуатации представителей порабощенного первобытного народа гуанчей. Канарские острова расположены вблизи северного края зоны влияния северо-восточного пассата – удобного ветра для выхода в океан. В последующие годы последним исчезающим из поля зрения видом Европы для многих испанских искателей приключений был высящийся конус острова Тенерифе (вулканы Тейде, 3715 м).

⁸ Гуанчи – прямые потомки кроманьонцев.

Карта 2. Схема ветров в Атлантике (лето)

На протяжении XV века моряки открывали в Атлантическом океане острова. Не было никакой очевидной причины, чтобы открытия новых островов не происходили бесконечно. Из всех легендарных островов самым знаменитым была Атлантида, или Антилла, – остров семи городов, куда якобы уехали семь португальских епископов со своей паствой во время вторже-

ний варваров и где их потомки жили в благочестии и процветании с тех самых времен. Это была мечта моряков в XV веке – заново открыть эту мифическую страну, ее христианское население и ее золото. Облачная гряда в сумерках может выглядеть очень похожей на остров, и, вероятно, в атлантических гаванях Португалии и Андалусии были люди, которые утверждали, что видели Антиллу. И в такой мир моряцких баек, в которых всякое случается, пришел Колумб со своим «Индийским проектом», предлагая его разным королевским дворам Европы.

То, что великий иберийский исследователь был сыном никому не известного ткача в Генуе⁹, не было удивительно само по себе. Генуэзцы перемещались по всей Европе и имели тесные торговые контакты с Севильей и Лиссабоном. Все главные европейские центры географических знаний в то время находились в Италии. Каждый гражданин Генуи, каким бы незнатным он ни был, прямо или косвенно зависел от морских связей города. Почти все профессиональные исследователи – на самом деле почти все моряки-профессионалы – были людьми сравнительно скромного происхождения. Сам Колумб не был профессиональным моряком. Он был самоучкой и чрезвычайно убедительным географом-теоретиком, обладавшим некоторыми знаниями картографии и основ навигации. Четкий характер его теорий, их происхождение и практические предложения, которые он на них основывал, были предметом многих учебных споров. Согласно договору, по которому он отправился в плавание в 1492 году, он должен был «открыть и завладеть островами и материком в океане». Это было стандартной формулировкой. В данном случае это, вероятно, включало Антиллу, если такое место существовало; но почти наверняка выражение «острова и материк» также подразумевало Сипангу и Китай – знаменитые названия, под которыми Марко Поло описывал Японию и Китай. Не было ничего фантастического, по крайней мере в теории, в предложении достичь Азии, отправившись в плавание на запад. Так как было известно, что Земля круглая, и никто не подозревал о существовании континента в этом направлении, то практическая возможность доплыть, вероятно, зависела от ветров, течений и, прежде всего, от расстояния, а относительно этого существовало много теорий и не было никакой определенности.

Согласно Ж. Баррушу и другим, Колумб сделал свое первое предложение в 1484 году королю Португалии. Это тоже было естественно. Стремление к исследованиям тогда было в Лиссабоне в самом разгаре; правительство и инвесторы очень хотели извлечь выгоду из торгового опыта и картографического умения итальянцев. Будучи в Португалии, Колумб совершил по крайней мере одно путешествие в Гвинею на португальском корабле. Также, находясь в Португалии, благодаря браку с дочерью видного колониста с Мадейры, он приобрел связи с кругами, заинтересованными в открытии островов. Тем не менее его предложение снарядить экспедицию за счет королевской казны было отвергнуто после тщательного слушания. Географические рассуждения Колумба, очевидно, были неубедительны. Более того, первое плавание Диогу Кана (июнь 1482 – апрель 1484 г.)¹⁰ зародило надежды на более надежный путь на Восток¹¹ – надежды, которые в 1489 году¹² Бартоломеу Диаш с триумфом подтвердил. Безуспешно попытав счастья во Франции и Англии, Колумб обратился наконец к Кастилии.

В Испании трудности у Колумба возникли главным образом не из-за законных интересов и географического скептицизма, а из-за натиска других проблем, которые заставляли правительство неохотно рассматривать морские экспедиции любого рода. Однако после многих попыток ему удалось заручиться поддержкой высокопоставленного государственного чинов-

⁹ Состоял в цехе шерстяников, имел фамилию Коломбо.

¹⁰ Достиг побережья Анголы у 13°30' ю. ш. и южнее.

¹¹ Во втором путешествии (осень 1484 г. или начало 1485 г. – август 1487 г. или в 1486 г. – свои путешествия португальцы начали засекречивать) Диогу Кан достиг пустыни Намиб у 21°47' ю. ш. На обратном пути он поднялся по р. Конго вверх на 160 км, преодолев грозный водоворот при скорости течения 18,5 км/ч и пороги Еллала.

¹² В 1487–1488 гг. (в августе 1487 г. вышел из Лиссабона, в декабре 1488 г. туда вернулся) обогнул Южную Африку, обнаружив, таким образом, морской путь в Индию.

ника Луиса де Сантанхеля, хранителя личного кошелька короля Арагона и казначея «Святой Эрмандады» (вооруженная организация по охране общественного порядка, существовавшая в городах средневековой Испании, более всего была распространена в Кастилии. – *Пер.*). Сам Сантанхель раздобыл значительную часть денег, необходимых для финансирования всего предприятия. Благодаря его посредничеству Колумбу были обеспечены согласие и участие в нем испанских монархов. И как только они связали себя обещанием, они согласились на все условия Колумба, включая вознаграждение, записанное в договоре, которое он должен был получить в случае успеха. Флот снаряжался в устье реки Рио-Тинто в Палосе – порту приписки латинских каравелл с треугольными парусами, похожих на те, которые использовали португальцы для исследования западноафриканского побережья и прибрежной торговли, и родном доме моряков, знакомых с португальскими экспедициями. Монархи обеспечили Колумба хорошо снаряженными кораблями – каравеллами из Палоса «Нинья» (ок. 50 т) и «Пинта» (60 т), а в качестве флагманского судна была трехмачтовая карака с прямым парусным оснащением из Галисии «Санта-Мария» (100 т). С королевскими деньгами он мог укомплектовать корабли надежными командами, умелыми и опытными капитанами. Сам Колумб был осторожным и скрупулезным, хотя и не очень современным мореходом. Описывать его как непрактичного мистика – делать из него карикатуру. Отплыв из Палоса в августе 1492 года, он направился к Канарским островам, где остановился на несколько недель, чтобы взять на борт древесину и воду и сделать мелкий ремонт. Впоследствии это стало стандартной практикой у испанцев. С Канарских островов он взял курс точно на запад. На этой широте на ее северной границе пассат ненадежен, и Колумб, обнаружив это, совершал свои дальнейшие переходы значительно южнее; это тоже стало стандартной практикой. Однако в 1492 году ему повезло: попутный ветер всю дорогу гнал его корабли. Через 33 дня плавания¹³, в течение которых не было никаких происшествий и не было видно ничего, кроме плавающих морских водорослей и тропических птиц с атласным белым оперением, которые поддерживали надежду на то, что земля близко, его матросы увидели первый остров из архипелага Багамских островов. Прокладывая свой путь на юго-запад между коралловых рифов, испанцы обнаружили северо-восточное побережье острова Куба и северный берег острова Эспаньола, современный остров Гаити, заросший до самой береговой линии высоким лесом. Здесь перспективы прояснились. На Эспаньоле нашли небольшое количество россыпного золота, а несколько золотых клипс для носа и браслетов были путем бартерного обмена получены от местных жителей. Но на северном берегу Эспаньолы Колумб потерял свой флагманский корабль, который потерпел крушение, сев на мель, и решил вернуться домой, оставив нескольких своих людей (39 человек-добровольцев. – *Ред.*) на острове с инструкцией строить дома и искать золотые жилы.

На обратном пути Колумб сделал еще одно важное открытие: покидая Вест-Индию, необходимо править на север, чтобы выйти из полосы пассата, прежде чем предпринимать попытку пересечь Атлантический океан. Он нашел западный ветер, как это станут делать тысячи его последователей после него, приблизительно на широте острова Бермуда (Бермудские острова) и прошел далее к Азорским островам. Но, приближаясь к Европе, он попал в шторм и был вынужден искать убежище сначала на Азорских островах, а затем в реке Тежу. Здесь португальские власти потребовали от него объяснить свои действия. Памятуя о предшествующих преувеличениях итальянцев, они скептически отнеслись к его рассказу, с презрением – к его географическим аргументам, а его описание местных жителей Эспаньолы, таинოს, не произвело никакого впечатления. Португальцы были встревожены недавним возрождением браконьерства андалусийцев на побережье Верхней Гвинеи, а так как обсуждался вопрос об экспедиции в Индию, то они с огромной подозрительностью отнеслись к мореходной активности испанцев в Атлантике. Король Португалии Жуан II решил заявить свои права на открытия

¹³ От о. Гомера (Канарские о-ва) до о. Сан-Сальвадор (Багамские о-ва).

Колумба на том основании, что они укладывались в условия Алкасовашского договора, потому что находились близко к Азорским островам, и, возможно, их даже можно было считать частью этого архипелага.

Сам Колумб утверждал и до самой своей смерти верил, что открыл острова, расположенные у побережья Восточной Азии, и, возможно, часть материка. Его вера была основана главным образом на некритическом чтении Марко Поло и Птолемея. Мы не можем быть уверены, согласовывались ли утверждения Колумба с его изначальными намерениями и обещаниями, а также в том, приняли ли их полностью Фердинанд и Изабелла. Некоторые умные современники, безусловно, не приняли; а на мысль о том, что самих моряков из экспедиции Колумба обуревали сомнения, наводит факт альтернативного названия Антильских островов – по названию Антиллы, или Атлантида. Но вне всякого сомнения было то, что Колумб обнаружил обширный архипелаг ранее неизвестных островов, которые были населены мирным и покорным, хотя и примитивным народом, и там было золото. Если они окажутся стартовой площадкой на пути в Индию, то это еще лучше. Но в любом случае они стоили того, чтобы их тщательно исследовать, и решение заселить их испанцами было принято почти сразу. С этой целью Фердинанд и Изабелла начали вести переговоры и с Португалией, и с папой римским, чтобы добиться официального признания островов испанскими владениями и открыть дорогу к обретению в дальнейшем территорий, лежащих за их пределами на западе.

На первом месте был папа римский, который неизбежно был заинтересован в открытии и заселении территорий за пределами Европы, так как папа римский, и только он мог отправлять миссии к язычникам; более того, только папа римский мог предоставить той или иной христианской общине – королевству или религиозному ордену – исключительное право на обращение в христианство людей в конкретном языческом регионе. Деятельность ордена Христа и португальской короны в Западной Африке была защищена папскими буллами такого рода. Иногда даже утверждали, что папа римский с целью извлечения выгоды для веры мог по закону выделять христианским монархам земли и временные владения языческих правителей. Безусловно, христианский властитель мог получить значительные дипломатические преимущества, заручившись официальным папским одобрением своих действий или намерений, и такого одобрения католические монархи продолжали добиваться. В то время папой римским был Александр IV Борджиа, урожденный испанец (Родриго Борха), который уже имел серьезные обязательства перед католическими монархами и искал у них поддержку своих попыток создать в Италии княжество для своего сына. Он издал ряд булл, из которых каждая последующая подкрепляла и расширяла положения предыдущей в соответствии с поступающими требованиями от Фердинанда и Изабеллы по совету Колумба. Их цель состояла в том, чтобы передать монархам Кастилии все открытые земли и земли, которые еще будут открыты в регионах, исследованных Колумбом. Самая важная булла – знаменитая *Inter caetera* («Между прочим») – провела воображаемую границу с севера на юг в 100 лигах (около 600 км) к западу от Азорских островов и островов Зеленого Мыса и предусматривала, что земли и море, расположенные за пределами этой границы, являются испанской областью исследований. Булла *Dudum siquidem* расширила предыдущие дары, включив «все острова и материка, какие уже открыты или будут еще открыты... во время плаваний или путешествий на запад или юг, будь они расположены в западных областях или полуденных и восточных и областях Индии».

Буллы 1493 года стали для испанцев основой для законных притязаний испанской короны на земли в Новом Свете. Однако немедленно начались предварительные переговоры с Португалией. Португальцы не собирались воевать из-за нескольких далеких островов, населенных голыми дикарями, или игнорировать власть папы римского. Но они были очень и очень озабочены – ввиду буллы *Dudum siquidem* и ее конкретного упоминания Индии – тем, чтобы ограничить мореходную активность испанцев, отодвинуть ее на запад, где (как они полагали) от нее не будет большого вреда, и сохранить за собой как можно более широкие просторы в

Южной Атлантике. С этой целью Жуан II оставил свои притязания на острова и согласился считать буллу *Inter caetera* с ее демаркационной линией основой для обсуждения. Он только попросил, чтобы эта граница была отодвинута еще на 270 лиг дальше на запад (то есть на 370 лиг), якобы чтобы защитить свои интересы в Африке. Испанские монархи, введенные в заблуждение идеями Колумба о западном пути в Азию, согласились. Обе стороны, вероятно, знали, что такую неопределенную границу нельзя установить точно, и каждый думал, что обманул другого. Тордесильясский договор был должным образом подписан в 1494 году – это была дипломатическая победа Португалии, – который подтвердил для португальцев не только истинный путь в Индию, но и большую часть Южной Атлантики с воображаемой землей Антиллою и, как вскоре оказалось, реальной землей – Бразилией.

Договор не затрагивал недавно открытые вест-индские территории, и монархи не стали ждать его заключения и снова отправили Колумба в плавание. Он отплыл из Кадиса в сентябре 1493 года во главе большой флотилии кораблей, в том числе трех больших (самый крупный 200 т) – всего 17 судов. На кораблях было мало оружия и никаких товаров для торговли, кроме безделушек для бартера. Главным их грузом были люди – 1200 человек¹⁴: священники, солдаты, ремесленники, крестьяне – и все необходимое для сельского хозяйства: орудия труда, семена и животные; это было целое общество в миниатюре, непосредственной целью которого было не начать новую торговлю или завоевать восточные царства, а заселить остров Эспаньола, основать исследовательскую и земледельческую колонию, которая должна была обеспечивать себя продовольствием, оплачивать расходы на поездку путем отправки золота в Испанию и служить базой для дальнейших исследований в направлении Индии или Китая. На такую авантюрную и выгодную службу было много желающих. Заселение островов в Атлантике было уже знакомой идеей в иберийских королевствах, и, без сомнения, знания Колумба о развитии Мадейры повлияли на его планы. Флот был снаряжен под руководством архидьякона Севильи Хуана Родригеса де Фонсеки, члена Совета Кастилии, которому суждено было поддерживать длительную связь с Вест-Индией и оказывать на нее свое влияние. Колумб горько жаловался на Фонсеку, которого считал обструкционистом и нерасторопным человеком. Капитаны-мореходы часто нетерпеливы в отношениях с сухопутной администрацией верфей, а эти двое, по видимому, испытывали друг к другу личную неприязнь. На самом деле снаряжение экспедиции было осуществлено довольно оперативно: пять месяцев – это короткий срок для подготовки такой большой флотилии в Испании в XV веке. Единственной серьезной ошибкой Фонсеки было то, что он не обеспечил колонию достаточным количеством продовольствия на первый год; чрезмерный оптимизм по поводу того, в какой степени европейцы могут прожить на подножном корму в тропиках, был широко характерен для этих первых исследовательских походов и стал одной из главных причин тех трудностей, с которыми столкнулся Колумб.

Флот благополучно совершил переход и подошел к берегу острова Доминика (в составе Малых Антильских островов) – острова в Карибском море, острые вулканические шпиги которого для тысяч испанцев стали первым впечатлением о Новом Свете. Корабли прошли вдоль прекрасной арки Малых Антильских островов¹⁵, через Виргинские острова мимо Пуэрто-Рико и прибыли к северному берегу Эспаньолы. Здесь они обнаружили, что поселение Навидад, основанное во время первой экспедиции, уничтожено. Выбрав местом второго поселения защищенный и опасный берег, который он назвал Изабелла, Колумб совершил свой первый грубый просчет. Поселение Изабелла так и не добилось процветания. Даже на более благоприятном месте было бы нелегко поддерживать дисциплину среди первых испанских поселенцев – обидчивых, авантюрных и жадных, заставляя их расчищать лес, строить дома и разбивать

¹⁴ По разным источникам, от 1500 до 2500 человек.

¹⁵ На о. Гваделупа испанцы провели 8 дней и выяснили, что на всех этих островах живут карибы – индейцы-людоеды, промышленяющие грабежом. Привезенных из набегов мужчин они съедали, женщин делали наложницами, родившихся от них детей тоже съедали. Повсюду были черепа и кости съеденных людей.

плантации, вместо того чтобы бродить по острову в поисках золота или рабов. Безусловно, эта задача была не по плечу Колумбу. Он был иностранцем, сыном ремесленника, обладающим ничем не значащим титулом и недавно обретенным фамильным гербом. По своему выбору и по характеру он был исследователь, а не колониальный правитель. Его энергия во время этого второго путешествия к Вест-Индии была сконцентрирована на исследовании южного побережья Кубы и открытии Ямайки. В начале 1496 года он возвратился в Испанию, чтобы доложить об успехах и заняться жалобами от недовольных колонистов Изабеллы. В его отсутствие¹⁶, но с его одобрения брат Христофора Колумба Бартоломе, которого он оставил там за старшего, перенес поселение Изабелла на более подходящее место на южном побережье острова. Там в 1496 году колонисты начали строить город Санто-Доминго, который на полвека стал столицей Испанской Вест-Индии, а в настоящее время является преуспевающим городом.

Католические монархи все еще не получили отдачу от своих инвестиций, за исключением нескольких «индийских» рабов, которые по приказу королевы были освобождены и отправлены на родину. Но Фердинанд и Изабелла по-прежнему доверяли мнению Колумба и уважали свой договор с ним. В 1498 году ему было разрешено совершить третью экспедицию за королевский счет. На этот раз он проложил курс южнее своих прежних маршрутов и открыл остров Тринидад и устье Ориноко – самой большой реки, известной тогда европейцам, огромный объем пресной воды которой доказал, что открытое побережье – часть обширного материка. От побережья Венесуэлы благодаря своему искусству мореплавателя он приплыл прямо к новому поселению на Эспаньоле, которое основал его брат. По прибытии он увидел, что в колонии царит волнение. Таинос – невоинственные собиратели корней и моллюсков, сельское хозяйство которых было рудиментарным, были возмущены и находились на грани войны из-за нескончаемых требований колонистов предоставлять им продовольствие и женщин. Половина поселенцев, разочарованных и голодных, подняла открытый мятеж против власти Бартоломе. У Колумба не было выбора, кроме как откупиться от бунтовщиков прощением, восстановлением себя в должности, земельными наделами и, что более важно, разделом индейцев-островитян среди испанских поселенцев в качестве сельскохозяйственных работников. Эта система *repartimiento* (распределение – исп.), ввезенная с Канарских островов, позднее стала всеобщей в видоизмененной форме на всех территориях Испании в Вест-Индии. Недовольство мятежников было тем самым на время успокоено, но ущерб был причинен. Весной 1499 года монархи назначили Франсиско де Бовадилью (Бобадилью) на место Колумба с целью расследования жалоб на него. Бовадилья отправил адмирала¹⁷ на родину в кандалах. И хотя монархи вернули ему его титул и доходы и обращались с ним любезно до самой его смерти, Колумбу так и не было разрешено осуществлять свои полномочия адмирала и вице-короля или вмешиваться в управление Вест-Индией¹⁸.

Настоящее согласованное управление Вест-Индией начинается с прибытием преемника Бовадильи – брата Николаса де Овандо, рыцаря ордена Алькантара. Для того времени было характерно, что решение такой задачи следовало доверить высокопоставленному функционеру ордена, основанного для несения гарнизонной службы в христианских отдаленных поселениях в Испании против мусульман. Овандо прибыл в 1502 году с большим флотом из 30 кораб-

¹⁶ С марта 1495 г. в течение 9 месяцев Христофор Колумб осуществлял покорение Эспаньолы, использовав 200 солдат, 20 лошадей и два десятка собак, и сломил сопротивление индейцев.

¹⁷ А также его братьев Бартоломе и Диего.

¹⁸ Колумб, однако, совершил свою 4-ю экспедицию. 3 апреля 1502 г. 4 корабля с экипажем 150 человек отплыли из Испании, 15 июня был открыт о. Мартиника, 29 июня подошел к Санто-Доминго, с 30 июля по декабрь 1502 г. открыл карибский берег Центральной Америки от Северного Гондураса до Панамы, где долго пытался отремонтировать свои корабли (2 пришлось бросить). На едва державшихся 2 кораблях 25 июня 1503 г. Колумб достиг Ямайки (северного берега), и только 29 июня 1504 г. за ним пришел вызванный Колумбом с Эспаньолы (куда он послал пирогу с 3 моряками и индейцами-гребцами) корабль. 12 сентября 1504 г. Колумб покинул Эспаньолу, 7 ноября 1504 г. уже тяжелобольной, на корабле вошел в устье р. Гвадалквивир, а 20 мая 1506 г. умер.

лей и привез с собой 2500 человек в качестве подкрепления тремстам или около того уцелевшим поселенцам. Он умело управлял Эспаньолой шесть лет с гораздо большей жестокостью, которую Колумб когда-либо осмеливался проявлять. Дисциплина действительно была тем, что больше всего было нужно колонистам. С поработанных индейцев захватчики взимали дань в виде продуктов питания и принудительного труда посредством системы *repartimiento*, введенной при Колумбе, которую Овандо расширил и легализовал. С дикими индейцами они вели безжалостную войну. Вероятно, таинос были уже обречены. Потрясение, отчаяние и социальная неустроенность, вызванная принудительным трудом, опустошительные эпидемии кори и оспы, уничтожение посевов привезенными животными – все это привело к быстрому сокращению их численности. Жестокость Овандо лишь ускорила их вымирание. Испанские землевладельцы, с другой стороны, добились в годы его правления умеренного процветания, добывая во все возрастающих количествах золотой песок в реках и выпасая огромные стада свиней или рогатого скота на открытых пастбищах. Не делалось почти никаких попыток соблюдать границы. Скот сортировали, а телят периодически клеймили, предварительно согнав в загоны, но многие из них избегали клеймения и начинали жить совершенно дикой жизнью в лесах. Через несколько лет *montería* – охота на одичавший скот и свиней – стала признанным правом поселенцев в каждой местности. Неспособные выжить за счет дани в натуральной форме, поселенцы сами тоже выращивали некоторые культуры: местные маис (кукурузу), маниок, завезенный ямс и даже немного сахарного тростника. Жернова мельниц вращали быки или вода. В 1520-х годах, когда запасы золота истощились, его место занял сахар, наряду с продукцией скотоводства, как товар, пригодный для экспорта. По отчетам Овьедо, в его время мельниц было 24, что было значительным капиталовложением. Нехватка рабочих рук была главным препятствием к развитию. Поселенцы прибегали к налетам на Багамские острова с целью захвата рабов, чтобы заменить ими вымирающих таинос, а чуть позже иногда стали завозить и рабов-негров, но рабочих рук всегда было недостаточно. Для людей с таким темпераментом, как у первых испанских поселенцев, земля была бесполезна без работников, которые должны были трудиться на ней. Ни один испанец не хотел заниматься сельскохозяйственным трудом в тропиках. Даже поиски золота, примитивная промывка золотого песка в реках были утомительной работой, для которой требовались послушные неквалифицированные рабочие. Нехватка работников, а также жадность, миссионерское рвение или простое нетерпение побуждали многих вновь прибывших уезжать с Эспаньолы и селиться на других островах и материках, где местное население могло оказаться более многочисленным и выносливым. Эспаньола стала, как и планировали ее основатели, базой для дальнейших исследований и источником бекона, сушеной говядины и хлеба из маниока для исследовательских экспедиций, которые во все большем количестве отправлялись с острова во время правления преемника Овандо – сына старого адмирала Диего Колумба.

В 1509 году Хуан де Эскивель начал заселение Ямайки. В 1511 году более широкомасштабное предприятие по заселению Кубы начал Диего Веласкес, который был помощником Овандо на Эспаньоле. Подобно Овандо, Веласкес был сторонником строгой дисциплины и умелым администратором. С небольшим отрядом своих сподвижников он подавил сопротивление местного населения и за три года занял стратегические точки по всему острову. Он проявил необычные умение и дальновидность при выборе самых лучших мест для поселений. За первые пять лет своего правления он основал семь городов, и все из них сохранились на своих изначальных местах или вблизи них. Куба давала значительное количество золота, а так как она была менее гористой, чем Эспаньола, то предоставляла лучшие возможности для занятий скотоводством, земледелием и выращиванием сахарного тростника. Как и на Эспаньоле, рабочих для рудников и ферм в первые годы обеспечивала система *repartimientos* – принудительного труда туземного населения.

В то время как таким образом шло покорение и заселение Больших Антильских островов, другие более длительные, опасные и рискованные экспедиции отплывали с Эспаньолы, чтобы исследовать материковое побережье Карибского моря. Монополия Колумба на исследования материкового побережья, основанная на договоре от 1492 года, была менее ясна, чем его монополия на острова, и подвергалась посягательствам еще при его жизни. Разрешение на такие посягательства было дано некоторым бывшим партнерам Колумба благодаря содействию его давнего врага Фонсеки. В 1499 году бывший капитан каравеллы «Нинья» Висенте Яньес Пинсон проплыл вдоль побережья части Северной Бразилии и Гвианы. Еще раньше в том же году Алонсо де Охеда довел до конца третью экспедицию адмирала и исследовал побережье Венесуэлы от острова Маргарита до озера Маракайбо. С ним поплыл Америго Веспуччи, чьи легкое перо и здравые географические рассуждения снискали ему славу, которая на время затмила славу самого Колумба. Первое путешествие Охеды не имело существенного ближайшего результата: привезенный им груз бразильского дерева, проданный в Кадисе, не покрыл его расходов¹⁹; однако в ходе исследований Герры²⁰ на том же побережье обнаружилось, что устрицы, вылавливаемые местными индейцами, содержат жемчуг. Островок Кубагуа стал местом испанского поселения Новый Кадис, основанного с целью добычи жемчуга. Около 25 лет, пока чрезмерный вылов устриц не уничтожил источник его благосостояния, Новый Кадис был одним из самых процветающих мест в Карибском море и центром бурной и жестокой торговли рабами, которые должны были работать ловцами жемчуга.

Более постоянными и важными для будущего были поселения в Центральной Америке на побережье перешейка, который Колумб открыл во время своего четвертого плавания и где позднее семья Колумба имела свое единственное земельное владение на материке – маленькое герцогство Верагуа. Берега Дарьенского залива посетил в 1501 году Родриго Бастидас вместе со старым лоцманом и картографом Колумба в его втором плавании Хуаном Ла Коса, а в 1504 году Ла Коса провел более тщательное исследование. К тому времени в Европе было уже широко принято считать, что был открыт доселе неизвестный континент, являвшийся препятствием (для всех, за исключением португальцев, нежелательным препятствием) между Европой и Азией. Тем не менее этот континент был по-своему привлекателен, и сообщения Хуана Ла Косы склонили королевскую власть в пользу организации на нем поселений. Несмотря на протесты Диего Колумба, были выданы две лицензии: одна – Диего де Никуэсе на заселение Верагуа, а другая – Алонсо де Охеде на заселение территории, которая в настоящее время является северным побережьем Колумбии. Две экспедиции, которые отплыли в конце 1509 года, насчитывали вместе свыше тысячи человек, но голод, болезни и отравленные стрелы вскоре убили всех, за исключением нескольких десятков человек. Это была самая серьезная потеря, которую испанцы понесли в Америке до этого момента; и одной из первых жертв стал Хуан де Ла Коса, без которого Испания не могла обойтись. Со временем прибыло подкрепление под командованием вельможи с Эспаньолы – Мартина Фернандеса де Энсисо, позднее известного как автора бесценной географии Вест-Индии. Энсисо был не в своей тарелке среди голодных головорезов, и реальное руководство с общего согласия перешло в руки известного храбреца и авантюриста Васко Нуньеса де Бальбоа. Бальбоа имел преимущество – он знал эти места, так как плавал здесь вместе с Бастидасом в 1501 году. Он был решительным, неразборчивым в средствах и беспристрастным человеком. Он отправил Энсисо назад на Эспаньолу (Охеда

¹⁹ Автор путается – это у Пинсона груз бразильского дерева и 20 захваченных рабов не окупили расходов и потери 2 из 4 кораблей, а Охеда все-таки захватил более 200 индейцев, после продажи которых каждому участнику досталось по 10 золотых. Золота и жемчуга Охеда привез немного, так как за 2–3 недели до него здесь прошел Педро Алонсо Ниньо, который выменял почти весь жемчуг (38 кг), привезенный затем в Испанию (такого разового поступления жемчуга страна не видела), сильно обогатив себя, участников и организаторов.

²⁰ Кривошаль Герра был назначенным капитаном (по настоянию его брата севильского банкира Луиса Герры) у штурмана Ниньо (см.

к этому времени уже уехал), бросил Никуэсу на произвол судьбы, предоставив ему возможность утонуть²¹, и взял на себя командование всем предприятием. Бальбоа был первым великим конкистадором на Американском континенте. Он основал город Дарьен, добился власти над индейцами перешейка, сочетая силу, террор, умиротворение и дипломатию. Он забрал у них большое количество продовольствия и золота и в то же время вынуждал своих собственных людей думать о будущем: строить дома и выращивать разные культуры. Поселения, возникшие под его руководством, оказались способными к развитию и просуществовали долго. Через несколько лет перешеек стал играть такую важную роль в колониальной торговле Испании, что заработал название Кастилья-де-Оро – «Золотая Кастилия». Но самое важное то, что в 1513 году, прислушавшись к рассказу одного индейца, Бальбоа возглавил экспедицию через леса перешейка к берегу Тихого океана.

Экспедиция Бальбоа не только открыла для европейцев существование «Южного моря»; она также выявила, насколько узка та полоска земли, которая разделяла два океана, и тем самым стала новым стимулом для тех, кто надеялся найти пролив через Центральную Америку и западный морской путь на Восток. Отчасти именно эта надежда подтолкнула к исследованиям карибского побережья перешейка, а по окончании строительства кораблей – и тихоокеанского. Таким образом, завоевание Центральной Америки было в каком-то смысле случайным в состязании между испанцами и португальцами, кто быстрее достигнет Востока. В том же году (1513), когда Бальбоа пересек перешеек, первые португальские корабли достигли Молуккских островов. В том (1519) году, когда Кортес высадился в Мексике, Магеллан вышел в плавание²², в ходе которого были открыты и истинный западный путь на Восток, и пугающие размеры Тихого океана. Плавание Магеллана также показало, что испанцы проиграли в состязании за «острова пряностей», но в Центральной Америке они получили награду иного рода: хотя им не удалось найти пролив, они нашли великую империю.

²¹ Бальбоа посадил в 1511 г. Никуэсу с несколькими людьми на ветхое судно и заставил отчалить от берега – все они пропали без вести.

²² Которое завершили в 1522 г. его немногие уцелевшие спутники, ставшее кругосветным.

Глава 2. Севилья и Карибское море

Империями, как бы они ни были обреты, нужно управлять. Самые ближайшие задачи: отправка экспедиций, иногда очень больших, через Атлантику; снаряжение и снабжение продовольствием далеких поселений первопроходцев; прием и размещение идущих обратно в Испанию грузов, включая существенное количество золота – все это требовало наличия организованной домашней базы и централизованного руководства. Приблизительно до конца XV века выбор порта отплытия и возвращения экспедиции в «Индию» находился в основном в руках капитана; правительству не было до этого почти никакого дела. Было естественно, что Колумб изначально выбрал тот уголок Испании, который был ему знаком лучше всего и где благодаря его друзьям-францисканцам в Ла-Рабиде у него были обширные и полезные связи. Из всех портов, находящихся в этом регионе, он, возможно, должен был предпочесть Кадис; но гавань Кадиса в 1492 году задыхалась от перевозок, согласно королевскому указу, депортируемых из Испании евреев. Из небольших гаваней в устьях рек Одьель и Рио-Тинто – Палоса, Могера, Уэльвы – выбор был небольшой. Во всех из них имелись небольшие флотилии рыбопромысловых судов и каравелл для каботажного судоходства; все они были родиной моряков, имевших опыт плавания в Атлантике. Однако Палос недавно совершил проступок, за который город был оштрафован – лишен двух каравелл на 12 месяцев; и Палос был выбран портом отплытия.

Палос был и есть скромный небольшой городок, слишком маленький, чтобы ухватиться за возможности, которые ему предоставил Колумб. Его вторая экспедиция отплыла из Кадиса, но руководящий штаб предприятия находился в Севилье и, вероятно, большая часть работы по снаряжению кораблей проходила там. Третья экспедиция Колумба вышла из Санлукар-де-Баррамеда в устье реки Гвадалквивир; четвертая – из самой Севильи, но с короткими остановками в Санлукаре и Кадисе, чтобы забрать дополнительные припасы. Первые экспедиции, совершенные уже под командованием не Колумба, а Охеды в 1499 году, отплыли из Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария, расположенного на другом берегу бухты у Кадиса. Палос и Могер продолжали отправлять экспедиции по крайней мере до конца века. Висенте Яньес Пинсон отплыл из Палоса в 1499 году – он там родился. Первая экспедиция Герры (штурмана Педро Алонсо Ниньо) была снаряжена в Могере. Но это были небольшие флотилии, состоявшие из двух-трех каравелл²³, в которых не было больших кораблей. К 1500 году порты в устье Рио-Тинто уже почти не использовались. Огромная флотилия Овандо вышла из Кадиса, и снова вся связанная с ней административная работа и большая часть оснащения и снабжения продовольствием были выполнены в Севилье. Во всех этих переменах можно увидеть растущее центростремительное притяжение крупного порта на реке Гвадалквивир и, несомненно, влияние этого неутоlimого, но не вызывавшего симпатии чиновника из Арагона Фонсеки.

Кадис сильно сопротивлялся влиянию Севильи, и в течение первых десяти лет после открытия Колумба первенство среди андалусийских портов в торговле с Вест-Индией оставалось под сомнением. Но с назначением Овандо и ускорением вслед за этим заселения Вест-Индии нужно было принимать решение. В 1503 году королевским указом в Севилье был создан первый орган колониального управления (Севильская торговая палата) для активизации и регулирования торговли и плаваний в Новый Свет. На протяжении многих последующих лет корабли в Вест-Индию за редким исключением по полученному разрешению должны были выходить из Севильи; и все караваны кораблей из Вест-Индии без исключения должны были в нее возвращаться. Для торговли с Вест-Индией Кадис должен был стать всего лишь портом захода, хотя и важным. У Севильи были свои недостатки. Она расположена в 70 милях вверх по течению извилистой мутной реки. В последующие годы задержки в речном судоходстве и

²³ У Педро Алонсо Ниньо было всего 1 небольшое судно (50 т) с командой 33 человека.

опасности наносной песчаной отмели у Санлукара в устье реки, не говоря уже о бюрократизме Севильской торговой палаты, серьезно ухудшили результативность торговли с Вест-Индией. На монополию Севильи часто ссылались как на пример равнодушия Испании к коммерческой прибыли, пример предпочтения бюрократических правил в ущерб экономическому предпринимательству. На самом деле королевская власть просто официально одобряла выбор, уже сделанный большинством капитанов, набравшихся опыта в плаваниях в Вест-Индию. Корабли, которые в то время использовались в торговле, не были достаточно большими, чтобы рисковать сесть на мель у Санлукара, и их не было достаточно много, чтобы слишком перегрузить причалы Севильской гавани. Ни одна из возможных альтернатив Севилье не подходила. Порты в устье Рио-Тинто были слишком маленькими, слишком далеко расположенными от основных центров и слишком близко – к границе. Короли не хотели, чтобы тяжело доставшееся золото из Вест-Индии было контрабандой переправлено в Португалию, где оно было крайне необходимо для финансирования недавно открытой торговли с Индией. У Кадиса была гораздо более удобная гавань, чем у Севильи, но более открытая штормам и – как покажут события, произошедшие позднее в этом веке, – вражеским нападениям. Но еще серьезнее было то, что она была изолирована. Расположенный на скалистом полуострове город не имел соответствующей территории, расположенной вглубь от прибрежной полосы. За припасами для кораблей в Кадисе нужно было добираться по воде с риском потерь и проволочек. Санлукар был небольшим населенным пунктом на открытой дороге безо всяких специальных сооружений, просто вспомогательным портом, расположенным вниз по течению реки от Севильи. Что же касается других кастильских портов вдали от нее, то вопрос об их участии в торговле с Вест-Индией в эти начальные годы едва ли поднимался. Кроме королевской заинтересованности в создании управляемой монополии, никакая другая часть Кастилии не пользовалась никакими естественными преимуществами атлантического побережья Андалусии. Главные средиземноморские гавани Кастилии – Малага и Картахена почти всю свою торговую активность ориентировали на Италию и Северную Африку. Даже если бы их торговые сообщества пожелали торговать по ту сторону Атлантики, их кораблям пришлось бы, преодолевая трудности, проходить через Гибралтарский пролив с его переменчивыми ветрами и обратным течением и подвергаться нападениям пиратов в каждом плавании. На северном побережье Галисии и Бискайского залива было много оживленных портов, которые, имея легкий доступ к подходящей древесине, строили свои собственные корабли, которые были зачастую больше и лучше тех, которые спускались на воду в Севилье. Флагманский корабль Колумба, если вспомнить, был построен в Галисии, и в более поздние годы северные корабельные верфи поставили много хороших кораблей для плаваний в Индии. Но чтобы доплыть до пассата, который один только обеспечивал быстрое плавание в Вест-Индию, корабль из Ла-Коруньи или Бильбао должен был проплыть вдоль всего португальского побережья, всегда опасного и иногда враждебного, в связи с чем путь должен был быть длиннее и, следовательно, дороже. Фактически в первые годы заселения Вест-Индии никакой другой регион Испании не проявил сколько-нибудь серьезного желания оспорить монополию Западной Андалусии и никакая другая гавань в Западной Андалусии не могла реально оспаривать превосходство Севильи.

Севилья была торговым центром богатейшего района Испании и уже имела население, портовые сооружения и финансовую организацию, необходимые для развития нового направления торговли. У нее были хорошие связи с территориями, расположенными вдали от побережья. Река была важной артерией для внутренней торговли, и на слегка холмистых пахотных землях Андалусийской равнины легко было осуществлять фургонные перевозки. Колонисты на Эспаньоле могли в случае крайней нужды питаться тапиокой из маниоки и кукурузой, но, естественно, предпочитали питаться тем, к чему привыкли. Они требовали скот, пшеничную муку, растительное масло и вино в значительных количествах, и после первых лет, полных трудностей, они уже имели средства, чтобы заплатить за их импорт. Они не только мыли

золото: они выращивали понемногу сахарный тростник, а по мере роста стад выделяли кожи, которые постоянно требовались для изготовления шорных изделий, защитной одежды и портьер, а также производили сало, используемое для свечей. Грузы из Индии, попадавшие в Испанию, были ценными и нуждались в эффективном сбыте. Вино, масло и мука, необходимые для вывоза, можно было легко достать в Севилье, и в Севильской торговой палате в Севилье золото из Вест-Индии было в сравнительной безопасности. Выбор Севильи административной столицей Индии в первые годы был логичным и естественным.

Возможно, создавая палату в Севилье, советники королевской четы имели в виду систему прямой королевской торговли, схожей с той, которую вела *Casa da India* в Лиссабоне. Но королевская власть Кастилии не имела в своем распоряжении ни капитала, ни опыта для такого предприятия. Торговля с Вест-Индией была предоставлена частному предпринимательству, а палата с момента своего основания была регулирующей, а не торговой организацией. Чиновники, назначенные в 1503 году, – это казначей, бухгалтер и торговый агент или управляющий делами; и изначально функции палаты были теми же, что и у любой таможни. Она проверяла ввозимые и вывозимые грузы и взимала соответствующие пошлины, в частности королевскую долю всех драгоценных металлов и камней. Королевское золото из Вест-Индии отправлялось палатой прямо на монетный двор в Севилье, и с 1503 года требовалось, чтобы монетный двор чеканил монеты без какой-либо платы, за исключением заработной платы чеканщиков, и чтобы они шли прямо в обращение. Функции палаты, однако, вскоре вышли за эти чисто фискальные рамки. Она стала выступать в роли доверительного собственника поместий тех – а их было немало, – кто умер в Индии, оставив наследников в Испании. Она давала лицензию и записывала всех пассажиров, отправляющихся в Индию. Королевская власть в Кастилии, занятая обращением своих подданных-мусульман в христианство и депортацией евреев, была озабочена тем, чтобы помешать представителям обеих групп мигрировать в Вест-Индию и распространять там тот вред, который, как считалось, они нанесли религиозной чистоте и политической лояльности в Испании. Помимо своих регулирующих функций, палата осуществляла в значительной степени и технический контроль. Она отвечала за снаряжение флотов, отправляющихся в плавание за счет средств короны, например большого вооруженного отряда, который сопровождал Педро Ариаса де Авилу, назначенного губернатором «Золотой Кастилии» в 1513 году. Палату не волновали, разумеется, вопросы снаряжения частных судов, которые в основном и осуществляли торговлю, но ее чиновники инспектировали их перед отплытием, чтобы удостовериться в их мореходной готовности, и в интересах безопасности она устанавливала верхний и нижний пределы их размеров. Палата выдавала лицензии мореплавателям; в 1508 году для выполнения этих обязанностей был назначен главный лоцман. Америго Веспуччи был первым, кто занял эту должность. Его преемниками стали Хуан де Солис, а затем Себастьян Кабот – оба выдающиеся мореплаватели. Под их руководством возникла мореходная школа – первая школа такого рода в Европе, где не только экзаменовали лоцманов для выдачи им лицензий, но и обучали их искусству трансатлантической навигации. Специалисты палаты вели систематические и тщательные записи всех открытий в Вест-Индии, а также гидрографическую карту – *padron real* и изучали карты, выданные торговым кораблям, чтобы убедиться, что они соответствуют *padron real*. Историки, изучавшие торговлю с Вест-Индией, подчеркивают, возможно чрезмерно, притеснения и ограничительные аспекты деятельности палаты. В первые годы своего существования она оказывала важнейшие необходимые услуги. Без постоянного надзора, который осуществляли чиновники палаты, без специального опыта, который они получали, королевский контроль за управлением Вест-Индией вряд ли был бы возможен. Неудобства палата, без сомнения, доставляла, особенно местным властям великолепного города, в котором она работала. С самого начала она осуществляла судебные полномочия как в гражданских исках, возникавших в процессе ведения торговли, так и уголовных делах, связанных с нарушением ее собственных правил или преступлениями, совершенными

на борту корабля. Эта широкая юрисдикция была подтверждена и определена королевским указом в 1511 году; она неизбежно часто вступала в конфликт с юрисдикцией муниципальных судей и, что более серьезно, Высокого суда Севильи – *Audiencia de los Grados*. Однако какой бы раздражающей ни была Севильская торговая палата, торговая монополия, которой она управляла, была важным источником местной прибыли; угрозы перевести палату в Кадис обычно было достаточно, чтобы в Севилье стихали все жалобы на нее.

Чиновники палаты занимались проведением политики в жизнь, а не напрямую ее формулировкой. Во время беспокойных лет после смерти в 1504 году Изабеллы, когда вопрос о кастильском наследстве был под сомнением, палата и правитель Эспаньолы были во многом предоставлены самим себе. Но когда Фердинанд вновь утвердил свою власть в Кастилии (правил до своей смерти в 1516 году), и Эспаньола, и палата снова были взяты под действенный контроль. Вест-Индия принадлежала короне Кастилии, и все главные решения, затрагивающие ее, теоретически принимал монарх по рекомендации Совета Кастилии. Этот августейший орган – высший в королевстве – характерным для того времени образом объединял функции высшего апелляционного суда и совета министров, давая советы по главным административным вопросам и внося предложения в законодательство. Большинство его членов были либо прелатами, либо видными юристами. Дела Вест-Индии требовали очень небольшой доли внимания Совета. Он занимался *residencia* в отношении Овандо – судебным расследованием его управления Эспаньолой, которое началось после его возвращения в Испанию. В 1511 году Совет издал указ, который определял юрисдикцию Севильской торговой палаты, и другой указ о создании Высокого суда – *audiencia* – в Санто-Доминго; и он выносил решения по различным конфликтам в сфере полномочий, которые возникали между этим новым судом и вице-королем Диего Колумбом. В этих и подобных вопросах Совет выступал в роли Верховного суда, принимая решения по судебным искам, определяя юрисдикцию на более низких уровнях. Административные вопросы, вопросы политики, связанной с Вест-Индией, с другой стороны, редко выносились – если выносились вообще – на рассмотрение всего Совета. Вместо этого король передавал их для принятия решения отдельным советникам, почти всегда Фонсеке, которому помогал другой араговец – королевский секретарь Лопе де Кончильос, который проживал по месту службы – в суде, как требовали того от него его обязанности. И Фонсека, который был епископом поочередно в Бадахосе, Кордове, Паленсии и Бургосе, много времени проводил там же. Фонсека не занимал никакой конкретной должности, связанной с Вест-Индией, а был просто тем советником, который специализировался на решении вопросов, с нею связанных; в действительности он обладал всей полнотой власти. До конца правления Фердинанда он вместе с Кончильосом составил, выпустил и разослал через Севильскую торговую палату почти все указы, связанные с Вест-Индией. С полного одобрения короля они выбирали почти всех высокопоставленных чиновников и создали свой собственный неофициальный секретариат для работы с увеличившимся потоком бумаг. Они даже организовали особую почтовую службу для перевозки корреспонденции между судом и палатой и между палатой и Вест-Индией. Эта служба по меркам того времени была поразительно эффективной. Она могла доставлять срочные депеши между Севильей и Мадридом по пересеченной местности, на которой мощные дороги не строились со времен Римской империи, за четыре дня. Посредством этой службы палата как административный центр Вест-Индии была прочно связана с источником принятия политических решений при дворе, где бы этот двор ни находился. Управление Вест-Индией, которое теоретически осуществлялось правительством Кастилии через совещательный совет, на практике было ограниченной и чрезвычайно централизованной бюрократической системой, которую контролировал Фонсека от имени короля. Внешним признаком этого контроля было создание в 1514 году отдельной королевской печати, вверенной Фонсеке, для официального подтверждения подлинности всех указов и решений, имеющих отношение к Вест-Индии.

Администрация в Вест-Индии, с которой Фонсека переписывался через Севильскую торговую палату, была очень непрочной. Как вице-королю, Колумбу была гарантирована административная и юридическая власть на территориях, которые он открыл, а как адмиралу – власть на морях Нового Света. Кроме того, он должен был получать одну десятую всех доходов, которые королевская власть получала от его открытий. В 1499 году он утратил свою власть, но сохранил жалованье и адмиральские полномочия до самой своей смерти в 1506 году²⁴. Овандо, который в 1502 году стал губернатором Эспаньола, правил как диктатор. Чиновники казначейства, отвечавшие за сбор, выплату и отправку королевских доходов, работали под его дисциплинирующей властью – ситуация, которой, согласно жалобам в его *residencia*, он злоупотреблял. Другими подчиненными ему проводниками закона и порядка во время его правления были города – главным образом небольшие группы хижин с тростниковыми крышами, города только по названию, – семь из которых были официально зарегистрированы в 1507 году, что дало им право на местное самоуправление советами из числа своих жителей и отправление правосудия на местах, осуществляемое мировыми судьями, которых выбирали эти советы. Апелляции на их решения поступали к губернатору. Когда Диего Колумб стал губернатором и позднее вице-королем, он пытался толковать свои унаследованные права как можно шире, но его притязания встретили сопротивление, выраженное в решениях, принятых в Испании, и его независимая власть стала все больше ограничиваться. Его главное притязание на патронаж всей Вест-Индии игнорировалось. Патронаж – право назначать на доходные должности в Испании – королевская власть сохранила за собой, и когда должности в Вест-Индии приобрели какую-то ценность, корона присвоила себе исключительное право назначать на должности и там. Отправление правосудия тоже было обязанностью королевской власти, с которой она расставалась с трудом; а в случаях, когда эта функция была делегирована, то всегда могла быть отозвана назад. Адмиральские полномочия Диего нелегко было оспорить, хотя его попытки расширить их путем толкования встретили отпор. Его судебные полномочия на островах вскоре подверглись враждебному и тщательному изучению. В 1511 году в ответ на просьбы поселенцев ввести право вышестоящего суда на пересмотр решения нижестоящего суда, независимого от губернатора, в Санто-Доминго был создан *audiencia* – суд, состоявший из образованных юристов по гражданским делам, который был подобием судов в Вальядолиде, Гранаде и Севилье, сыгравших заметную роль в объединении Кастилии. Новый суд, который должен был проводить реальную проверку полномочий губернатора, был предвестником многих подобных судов в Америке. И в то же время недоразвитая организация казначейства на Эспаньоле – казначей, ревизор и торговый агент с их сейфом, запертым на три висячих замка, – стала независимой от власти губернатора и прямо подотчетной конторе Фонсеки в Испании – разумная мера ввиду далекоидущих притязаний Диего на королевские доходы. Поэтому к 1512 году на Эспаньоле существовали три более или менее независимых органа королевской власти – губернатор, *audiencia* и казначейство.

Начало заселения материка привело к новым осложнениям. До 1513 года маленькая колония на перешейке признавала, хотя и формально, власть Санто-Доминго. Но когда ее ценность стала известна, притязания Диего снова были на время отложены. Его притязания на управление и получение доли дохода были признаны только на островах. Было создано отдельное материковое правительство, а из Испании прислан губернатор в сопровождении не только грозного военного отряда, но и штата секретарей и еще одной команды чиновников казначейства. Бальбоа по меркам того времени имел большие заслуги перед своими товарищами и королем, но его подкрепленная силой независимость раздражала бюрократический и власто-

²⁴ К сожалению, последние полтора года своей жизни, находясь уже в Испании (с 7 ноября 1504 г., до 20 мая 1506 г.), тяжелобольной Колумб, лишившийся после смерти Изабеллы (26 ноября 1504 г.) столь нужной ему поддержки, провел в нужде и судах, отстаивая свои права и привилегии.

любивый характер Фонсеки. То, как он обошелся с Никуэсой и Энсисо, было оскорблением королевской власти. Отчет Бальбоа о Южном море, грузы золота и жемчуга прибыли в Испанию слишком поздно, чтобы вернуть ему утраченную благосклонность. Он тоже был обойден вниманием. Первым губернатором «Золотой Кастилии» стал Педро Ариас де Авила – жестокий старик, которому в его окружении было дано прозвище *Furor Domini* (Ярость Господня). Авила с великой энергией взялся за исследование и заселение, но совершенно отошел от политики Бальбоа умиротворения индейцев и уничтожил многое из того, чего тот достиг. Неизбежно поссорившись с Бальбоа, у которого было много друзей, в 1517 году Авила приказал его арестовать по обвинению в заговоре и предательстве и обезглавить. Тут уместно упомянуть, что человеком во главе отряда, которому было дано задание арестовать Бальбоа, был никому не известный головорез по имени Писарро, который позднее в Южной Америке превзойдет Бальбоа в достижениях, а Авилу – в жестокости. Авила и его помощники правили 16 лет, эксплуатировали и опустошили перешеек, обогатив самих себя – кто уцелел – и отправив в Испанию радовавшую глаз кучу сокровищ.

Фердинанда, в отличие от королевы Изабеллы, которую он пережил, мало волновало то, как живут колонисты в Вест-Индии, которые в конце концов поехали туда по своей доброй воле, и вообще не волновало то, как живет там местное население – индейцы. В первую очередь – и это был его почти единственный интерес – его волновали доходы, которые можно было получить из Нового Света. Фонсека толковал свои обязанности в том же духе. Естественно, он был заинтересованной стороной. Традиционно члены королевских советов, помимо жалованья, получали дополнительные вознаграждения за особую работу. Эти вознаграждения часто принимали форму доли королевского права распределять бенефиции, доходной должности с правом назначать заместителей (помощников). За всю свою карьеру Фонсека получил в добавление к своей постоянной выгодной церковной должности много гонораров, выплаченных с доходов из Вест-Индии. Получал их и Кончильос – чиновник, известный своей хваткой. В 1508 году он был назначен главным нотариусом рудников Вест-Индии. Другие советники, которые время от времени прикладывали руки к работе, получали долю награбленного. Например, когда была создана почтовая служба Вест-Индии, должность главного почтмейстера – *correo mayor* – была отдана советнику Кастилии д-ру Галиндесу де Карвахалю, который делегировал реальную работу чиновникам Севильской торговой палаты (они выполняли ее очень эффективно) и отдавал им часть тех выплат, которые он получал. Телло, *fiscal* (прокурор) Совета, помимо значительных сумм, которые он получал за судебные тяжбы по апелляциям из Вест-Индии, находился на должности *alguacil mayor* (главный судебный исполнитель) по Вест-Индии и продавал должности эмигрантам. Так что не только королевская власть, но и многие отдельные советники и чиновники были сильно заинтересованы в доходах из Вест-Индии.

Эти доходы в первые годы включали половину доли (по крайней мере, в теории) драгоценных металлов и камней, захваченных в качестве законных трофеев в войне; процент, установленный в 1504 году, в размере одной пятой от драгоценных металлов и камней, добытых путем горных разработок или мытья в реках; налоги на товары, попадающие в Вест-Индию или в Испанию из Вест-Индии; и дань, взимаемую с индейцев. На островах этот последний пункт не принимался в расчет. Расставшись со своими немногими золотыми безделушками, таинос не имели уже ничего, что можно было бы обложить налогом, за исключением урожая маниоки и маиса и дани с тех из них, которые работали на *encomenderos*. На практике увеличение королевского дохода зависело главным образом от роста производства драгоценных металлов, а он – от принудительного труда. Фонсека и его коллеги поэтому с великой неохотой ставили препоны на пути свободного использования труда индейцев колонистами. Фонсека оказал очень холодный прием миссионерам – монахам-доминиканцам, которые с 1511 года пытались отстоять интересы индейцев и добиться для них какой-нибудь защиты. Ни он, ни Кончильос не сыграли никакой роли в разработке Бургосских законов – первом испанском

своде законов, касающихся обращения с туземным населением. Их обструктивная позиция по этому вопросу реально мешала любой серьезной попытке провести в жизнь нечетко сформулированные ханжеские положения этого свода законов. Фонсека также не мешал налетам работорговцев на Багамские острова, посредством которых колонисты Эспаньолы пытались обеспечить себе дополнительные рабочие руки. Позднее, уже после 1520 года, Севильская торговая палата под его руководством путем быстрой выдачи лицензий способствовала покупке значительного числа рабов-негров у португальцев, чтобы заменить ими сокращающееся население таинос. И в конечном счете эти рабы стали главной рабочей силой в Вест-Индии.

Во время правления Фердинанда финансовая и экономическая политика Фонсеки в своих ограниченных и ближайших целях достигла значительных успехов и оправдала то доверие, которым этот жадный монарх облек своего советника по делам Вест-Индии. Число и размеры испанских поселений неуклонно росли. В 1507 году на Эспаньоле были зарегистрированы 7 городов, в 1514 году – 14. В частности, Санто-Доминго стал городом и довольно важным портом. Овандо начал строительство постоянного города из камня и кирпича по прямолинейному плану, который станет характерным для большинства испанских городов в Новом Свете. Даже после завоевания других островов и начала заселения материка Санто-Доминго остался центром, в котором испанские товары распределялись по всему Карибскому бассейну, а корабли обычно собирались здесь, прежде чем отправиться в обратный путь. До тех пор, пока заселение ограничивалось берегами Карибского моря и островов и пока они нуждались в основном в продукции Андалусии, Севилья легко справлялась с торговлей через Атлантику, не сталкиваясь с конкуренцией или серьезными жалобами. Объем перевозок между Севильей и Санто-Доминго, не принимая в расчет особые флотилии, такие как флотилии Овандо, Диего Колумба и Педро Ариаса де Авилы, значительно колебался год от года, но в рекордные годы демонстрировал неуклонный рост. В 1508 году, согласно недавним и тщательно задокументированным исследованиям, Атлантический океан в обоих направлениях пересекли 66 кораблей; в 1514 году – 77, а в 1520 году – 108 кораблей. Это все были небольшие суда, возможно, немногие из них или вообще ни одно не имели водоизмещения более ста *toneladas*, что в наше время приблизительно составляет около 80 тонн. Многие суда ушли и не вернулись. Они либо потерялись, либо были разобраны на островах «на запчасти», либо – так как масса входящих грузов сильно превышала массу исходящих – они могли не найти обратный фрахт и остались в Вест-Индии для использования на месте. Те суда, которые все же вернулись, привезли в королевскую сокровищницу все еще маленький доход по сравнению с тем, который поступал из европейских источников, но он неуклонно увеличивался и был вдвойне желанным, потому что большая его часть была золотом. К 1516 году он уже достиг 35 тысяч дукатов. Успех поселений, однако, был достигнут дорогой ценой: его следствием были быстрое и бездумное истощение природных ресурсов, ужасающие страдания людей, прогрессирующее уничтожение первобытных людей, исчезновение целого образа жизни.

Общественное мнение в Испании не могло бесконечно игнорировать демографические трагедии, которые заселение принесло на острова. Смерть в 1516 году Фердинанда и вступление на престол медлительного, неуклюжего, очень добросовестного юноши Карла I, который впоследствии, в 1519 году, стал императором Карлом V, дали возможность изменить и отношение, и организацию процесса. Престарелый кардинал Хименес, который правил как регент, ожидая прибытия Карла, был глубоко потрясен отчетами монахов-доминиканцев с Эспаньолы. Ничего не известно о личных отношениях между кардиналом и Фонсекой, но непреклонный и сурово-религиозный Хименес, вероятно, не был высокого мнения о занятом мирскими делами и вечно отсутствующем епископе и, вероятно, считал его ответственным, по крайней мере отчасти, за зверства, которые яростно и публично осуждал священник Бартоломе де Лас Касас. Фонсека и Кончильос были неофициально отстранены, очевидно без письменного указа, от управления делами Индий на протяжении двух лет регентства. Вести дела было поручено двум

другим советникам при помощи еще одного королевского секретаря. Карл прибыл в Испанию, а Хименес умер в 1517 году. Подпись Фонсеки вновь появляется на документах по делам Вест-Индии в начале 1518 года. Кончильос, с другой стороны, был отстранен от своих обязанностей, и хотя за свою службу секретаря он получил пенсию, лишился своих должностей в Индиях, которые приносили ему заработок. В то же время все чиновники, проживающие в Испании (включая Кончильоса), которые имели принуждаемых к труду индейцев, были их лишены. Это был первый практический шаг к реформе политики в отношении туземного населения.

Когда Фонсека вернулся к управлению делами Индий, он вернулся не один. Он по-прежнему выполнял большую часть работы, но королевским указом ему были приданы двое из самых влиятельных людей в Испании – великий канцлер Соваж и кардинал Адриан, трое других советников и Франсиско де лос Кобос в качестве секретаря. Это была главная и долговременная реформа, отход от централизованной персональной бюрократии, в которой Фонсека был всемогущим министром, и возвращение к коллегиальной совещательной системе, традиционно используемой в Испании при формировании королевской политики. Новая группа советников стала постоянным комитетом при Совете Кастилии. Вскоре она получила название. В марте 1519 года король впервые обратился к ее членам как «*Los de mi Consejo que entienden en las cosas de las Indias*» («те из моего Совета, которые разбираются в делах Индий»). К сентябрю 1519 года это громоздкое название было укорочено, очевидно неофициально, и стало звучать как «*Consejo de las Indias*» – Совет по делам Индий. Время было подходящим для проведения реформы и укрепления центральной администрации Индий. Слухи об огромных территориях на материке к северу от перешейка уже доходили до Испании²⁵. В 1519 году Кортес отправился с Кубы в свое судьбоносное плавание в Мексиканский залив. Карлу I (V) вскоре предстояло стать монархом далеких королевств, гораздо более обширных и населенных, несравнимо более богатых и могущественных, чем уже освоенная жалкая островная империя.

²⁵ В 1517 г. берега Юкатана обследовал Франсиско Эрнандес Кордова. На него и его людей не раз нападали индейцы. В последнем бою, продолжавшемся час, Кордова получил 10 ран, более 50 испанцев было убито, 5 утонуло, 2 захвачено в плен. Все же Кордове удалось вернуться на Кубу и все рассказать, а через 10 дней Кордова умер. В 1518 г. была организована новая экспедиция во главе с Хуаном Грихальвой, которая прошла вдоль берега Мексики от основания п-ова Юкатан до р. Пануко. Снова были схватки с индейцами, испанцы увидели немало золота, а также им показали человеческие жертвоприношения. Испанцы встретили посланцев верховного правителя ацтеков Монтесумы. Грихальва вернулся на Кубу в октябре 1518 г. В конце 1518 г. в путь двинулась экспедиция Алонсо Альвареса Пинеды. Она прошла от Кубы до Флориды, затем вдоль побережья мимо устья р. Миссисипи достигла устья р. Пануко. Здесь испанцы подверглись нападению индейцев, которым удалось сжечь 3 из 4 кораблей. В битве погибли многие испанцы, в том числе и Пинеда, с них индейцы сняли кожу и выставили в своих домах как трофеи, тела же были ацтеками съедены. Но 1 корабль под командой Диего Камарго сумел уйти. 60 смертельно больных испанцев смогли достичь своих и все рассказать, после чего многие, в том числе и Камарго, умерли.

Глава 3. Царства Солнца

Колумб не открыл новый мир; он установил контакт между двумя мирами, оба из которых уже были старыми. Он сообщил европейцам о существовании континентов и островов, которые были обитаемы уже на протяжении многих веков. Насколько мы знаем, аборигена – американского человека в полном смысле этого слова – не было, но были и есть американские культуры. Человек в Новом Свете на первобытном этапе своего культурного развития был, вероятно, отрезан от Азии, откуда он и был родом, отрезан, безусловно, от постоянных контактов. Американские индейцы развили свои особые культуры в Америке в ходе скитаний и заселения территорий, длившихся тысячелетия. С учетом огромной разницы в условиях жизни между Аляской и мысом Горн неудивительно, что эти культуры столь отличались друг от друга. Однако еще больше они все отличались от любой культуры Старого Света. Даже тогда, когда схожие обычаи или артефакты находятся и в Старом, и в Новом Свете, предположение об их независимом происхождении очень весомо. Например, у нас нет оснований предполагать связь между древними мексиканцами и древними египтянами, просто потому что и те и другие строили пирамиды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.